

Обращение к событиям прошлого часто заставляет по-иному взглянуть на день сегодняшний, понять истинные причины происходящего и даже увидеть в истоках новые возможности. В № 12 «ЭКО» за 2013 г. напечатана подборка материалов о событиях 1913 г., позволившая, как мы надеемся, по-новому оценить путь, пройденный нашей страной. Публикуя статью о переломе в отношении общества к участию России в первой мировой войне, мы открываем серию материалов, приуроченных к событиям, происшедшим 100 лет назад.

Россия в 1915 году

В.И. КЛИСТОРИН, доктор экономических наук, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН, Новосибирск.
E-mail: klistorin@ieie.nsc.ru

Рассмотрены некоторые изменения общественного мнения в России по отношению к участию страны в войне: от равнодушия до ее начала в 1914 г. через взрыв патриотических и оборонных чувств в первый период до нарастания антивоенных настроений, взаимной ненависти и всеобщей озлобленности, по мере того как война становилась бесконечной. Показано, что перелом в общественных настроениях приходится на 1915 г. Сравнение с другими воюющими странами свидетельствует, что эти процессы носили общий характер, но в России в силу архаичности общественных институтов и социальной структуры они быстрее стали необратимыми. Запоздалые и/или ошибочные меры приводили к снижению эффективности управления, которое принимало реактивный характер.

Ключевые слова: первая мировая война, общественное мнение, патриотические настроения, лояльность, мобилизационная экономика, рacionamento, военное планирование, вооружение, антивоенные выступления, пораженчество

В своем романе «Красное колесо» А.И. Солженицын не рассматривает события 1915 г. как отдельный «узел». Наверное, зря, поскольку именно они предопределили перелом в общественном сознании страны, который, в конечном счете, привел к тому, что А.И. Деникин назвал крушением власти и армии. В центре внимания этой статьи* – эволюция общественного сознания как «общества», так и «народных масс».

Почему была невозможна большая европейская война

Еще в 1913 г. считалось, что большая война в Европе невозможна. Что бы потом ни писали советские историки о межим-

* В статье опущены ссылки на источники, поскольку они существенно усложнили бы чтение.

периалистических противоречиях и территориальных амбициях ведущих держав, война была немыслима. Во-первых, экономическая взаимосвязанность национальных экономик (сейчас бы сказали – экономическая интеграция) была столь велика, что даже перекрытие таможенных границ привело бы к грандиозным сбоям и экономическому коллапсу. Неизбежное в случае войны нарушение поставок из собственных и чужих колоний привело бы многие страны на грань выживания.

Интернационализация жизни – смешанные браки, научные и студенческие обмены, туристические и деловые поездки представителей быстро растущего среднего класса, не говоря уже о династических и родственных связях королевских семей и родовой аристократии – делали войну невозможной. Расцвет социалистических и пацифистских движений и соответствующих настроений в обществе и парламентах дополнял картину. Европа неотвратимо пропитывалась демократическими, социалистическими, эгалитарными и интернационалистскими идеями. Это происходило и в России. В.И. Ленин писал в 1913 г., что выборы в IV Думу показали общее полевение страны, банкротство третьей иуновской политики царизма и наступление полосы открытой революционной борьбы масс. Впрочем, он же предупреждал, что «бонапартизм» свойствен не только правым, но и левым политикам.

Помимо экономических и социально-политических соображений, были и военно-технические факторы. Авиация, радио, телефон и телеграф исключали возможность скрытного сосредоточения войск. Железобетонные укрепления современных крепостей, пулеметы и мины делали невозможными наступательные операции. С другой стороны, прогресс в тяжелой артиллерии позволял взламывать любую оборону. Используя железные дороги и автомобили, можно было перебрасывать огромные массы войск. Система всеобщей воинской повинности позволяла создавать невиданные в истории по численности армии (напомним, что за время войны во всех странах было мобилизовано 74 млн человек). Все это крайне затрудняло планирование и осуществление военных операций, создавало такую степень неопределенности и такие риски, которые были заведомо неприемлемы.

Наконец, искусство дипломатии и умение находить компромиссы в большом числе локальных конфликтов в прошлом

внушали уверенность, что войны можно всегда избежать. Тем более, история учила, что результатами войны могут легко воспользоваться третьи страны, особенно нейтральные. Наконец, победить в войне вовсе не означает выиграть мир. Примеров тому было множество.

Соперничество между великими державами и войны могли бы происходить и происходили на периферии цивилизованного мира: в Азии, Африке, в крайнем случае, на Балканах. Даже такие значимые события, как предоставление независимости Норвегии или марокканский кризис, обходились без кровопролития.

Подобно тому как советские историки вслед за В.И. Лениным убедительно доказывали историческую неизбежность мировой войны, исходя из классовых и экономических интересов, серьезные аналитики в начале 1914 г. считали вероятность подобных событий низкой, основываясь на экономических и других соображениях. Война вообще очень дорогое удовольствие, а большая война – неподъемное предприятие. Потребовалось бы пожертвовать не только комфортом для небольшой части населения, но и смириться с обнищанием широких масс, нехваткой рабочей силы для промышленности и сельского хозяйства, мобилизацией тяглового скота, падением производства и доходов, нехваткой простейших продуктов, ростом цен и т.д. В конечном счете это неизбежно привело бы к политическому кризису и/или социальному взрыву.

Технически представлялись возможными мобилизация миллионов мужчин и перевод промышленности на военные рельсы. Но как прокормить и вооружить эти армии, снабжать оружием и боеприпасами, какой эффект в обществе вызовут известия о десятках или даже сотнях тысяч убитых, как вывезти и лечить сотни тысяч раненых? Нет, большая война в Европе казалась невозможной. Но даже если бы она и началась, то продлилась бы не дольше нескольких месяцев, поскольку и экономически, и психологически общество не выдержало бы дольше.

И все-таки война началась...

Историки давно выяснили причины первой мировой войны и буквально по часам восстановили цепь событий, которые привели к тому, что произошло на самом деле. Большинство населения стран, вступивших в войну, встретило ее, если судить

по газетам, с большим энтузиазмом. Люди охотно верили, что их страна ведет благородную и справедливую освободительную войну против вероломного агрессора. Вступившие в войну страны отменили размен бумажных денег на золото, а их парламенты дружно проголосовали за военные кредиты.

В городах России, как, впрочем, и многих других стран, прошли массовые манифестации, тысячи людей отправились на фронт добровольцами, начались пожертвования и развертывание госпиталей для раненых. Были немецкие погромы, а притеснения евреев, наоборот, сошли на нет. Хотя немецкие общины демонстрировали свою лояльность, а в католических и лютеранских храмах молились за здоровье императора и победу русского оружия, это слабо сказывалось на патриотических и погромных настроениях.

Само слово «немцы» было вытеснено «германцами», «тевтонами» или даже «гуннами» (во Франции использовался термин «боши»). Пошли сообщения о страшных зверствах, творимых солдатами германской и австро-венгерской армий против мирного населения и военнопленных по контрасту с рыцарским и гуманным поведением отечественных воинов. Хотя все образованные люди знали о тесных союзнических отношениях России с Австро-Венгрией и Пруссией в середине XIX века и в более ранние времена, в общественное сознание была внедрена мысль о том, что исконной целью этих держав всегда было унижение, расчленение и уничтожение России, притеснение славян и православных. В многочисленных публикациях образ врага был двойственным: в нем совмещались невероятная агрессивность и фатальная трусость, изнеженность и грубая сила, доходящая до патологической жестокости, военная и технологическая мощь и откровенная слабость.

В патриотическом порыве профсоюзы отменяли забастовки, торговцы отказывались от немецких товаров, а 31 августа 1914 г. Николай II объявил о переименовании Санкт-Петербурга в Петроград. Невозможное становилось возможным.

Разгром армии А. В. Самсонова при Танненберге и другие неудачи в Восточной Пруссии не означали катастрофы, особенно в условиях коалиционной войны. На других фронтах ситуация была обратной. В Галиции был занят Львов (Лемберг), блокирована крепость Перемышль, отражено сентябрьское наступление

австро-германских войск на Варшаву и нанесено им поражение. Определенные успехи были и на турецком фронте.

По итогам осенней кампании выяснилось, что война приняла затяжной характер, и к такой войне все страны оказались не готовы. Довоенные запасы были быстро истощены, промышленность не успевала удовлетворять потребности армии, военные потери были огромны, рабочих рук не хватало, кто-то сделал огромные состояния на военных заказах, но многие заметно обеднели, появилось большое число беженцев.

Год 1915-й

За зиму России вроде бы удалось подготовиться к новой военной кампании. В марте 1915 г. 120-тысячный гарнизон крепости Перемышль капитулировал. Но потом начались неудачи. Войска центральных держав ликвидировали угрозу прорыва русских армий на венгерские равнины и попытались устроить «Канны» под Варшавой. В результате русская армия отступила по итогам кампании на 200–300 км, были оставлены Львов, Варшава, Либава, Модлин и множество мелких населенных пунктов. Правда, в отличие от предыдущего года, ни одно соединение не попало в окружение. Но потери армии были огромны – около 300 тыс. человек только убитыми. Этот период войны некоторые журналисты окрестили «великим бегством», газеты писали о дорогах, забитых беженцами. Стали распространяться слухи, пошли разговоры о предательстве, шпионаже, некомпетентности военного руководства. 23 августа 1915 г. Николай II принял на себя звание верховного главнокомандующего. Это было вынужденное и неоднозначное решение, сыгравшее впоследствии, по мнению большинства современников и многих историков, роковую роль в дискредитации всей системы власти. Хотя в сентябре германские войска были остановлены, и воюющие стороны перешли к позиционной войне, это уже не могло компенсировать оценку кампании 1915 г. на восточно-европейском театре военных действий как неудачную, равно как и успехи русских войск в Закавказье.

Во всех воюющих странах шло разрушение рыночной экономики и ее институтов, сделавших Европу столь богатой, передовой и привлекательной во всех отношениях. Конкуренция все больше замещалась искусством лоббирования и коррупции, в сельском хозяйстве внедрялись принудительные планы

по объему посевных площадей и обязательной сдаче урожая по фиксированным ценам. Естественно, эти планы разверстывались в соответствии с территориально-административным делением стран исходя из любых соображений, кроме экономической целесообразности. Такая система неизбежно приводила к снижению издержек и ухудшению обработки земли, что влекло за собой падение урожайности и рост затрат на единицу продукции.

Уже через год произошла технологическая деградация сельского хозяйства, которое и без этого страдало от нехватки рабочих рук и лошадей. Несмотря на принятые меры и во многом «благодаря» им, урожаи сокращались. Так, в Германии в 1916 г. урожай картофеля снизился вдвое, и его стали заменять брюквой.

Была введена сначала в Германии, а потом и в других странах карточная система на основные продукты питания. В России такая система появилась только в 1916 г., поскольку экспорт практически прекратился, в начале войны цены падали, а нехватка продовольствия стала ощущаться гораздо позднее, чем в других странах. Постепенно стало вводиться рacionamento основных видов сырья и материалов, выделялись государственные кредиты на создание производственных мощностей по выпуску военной, а потом и просто дефицитной продукции, развивалось всякого рода импортозамещение.

Вводились элементы милитаризации труда, выразившиеся в запрете забастовок, пресечении «незаконных» требований рабочих, запрете на смену места работы для определенных категорий рабочих и специалистов. Фактически речь шла о внедрении системы принудительного труда. Как известно, ничто так не способствует имущественному и социальному расслоению, как инфляция. А она, по понятным причинам, в том числе и в связи с рацией, государственными заказами и кредитами, росла невиданными ранее темпами.

Во всех странах принимались экстраординарные меры по снабжению армий вооружением и припасами. Для этого создавались специальные органы: в Германии «Военное управление» получило неограниченные полномочия по руководству промышленностью в части регламентации производства продукции и технологических процессов, в Англии Министерство вооружений получило право конфисковать любое предприятие, необходимое для производства военной продукции.

В России в 1915 г. было создано «Особое совещание по оброне», в функции которого ввели надзор за деятельностью всех государственных и частных промышленных предприятий, организацию снабжения армии, распределение заказов и контроль за их исполнением. Были созданы и другие особые совещания, решавшие проблемы снабжения продовольствием, топливом и транспортом. Кроме того, повсеместно создавались военно-промышленные комитеты из числа представителей бизнеса и специалистов для тех же целей мобилизации промышленности.

Еще в 1914 г. на волне патриотического подъема возникли общественные организации, сначала занимавшиеся созданием госпиталей и сбором средств на нужды фронта, а потом – мобилизацией мелкой и кустарной промышленности для нужд войны. Через какое-то время одна из таких организаций – «Земгор», союз земств и городов, превратился в бюрократическую структуру с особыми интересами.

Основными результатами рационирования стали упадок промышленности и сельского хозяйства и расцвет коррупции в невиданных ранее масштабах. В 1915 г. в России для этого были созданы все институциональные предпосылки. Когда в следующем году была введена карточная система, мгновенно возник черный рынок, отмечались перебои поставок и постоянное снижение норм выдачи. За годы войны покупательная способность рубля упала примерно в три раза, государственный долг вырос с 8,8 в 1913 г. до 50 млрд руб. в 1917 г. Растущий внешний долг, поставки стратегического сырья и вооружений со стороны союзников лишали военные и гражданские власти самостоятельности в принятии решений, что явно ограничивало суверенитет страны.

Уже в 1915-м сотни тысяч инвалидов, покинув лазареты, разъехались по стране. Офицеров уже не встречали аплодисментами, а солдат на фронт не провожали цветами. Как и на излете русско-японской войны, офицеры предпочитали не надевать боевые награды. К концу 1916 г. слово «патриот» получило негативный оттенок, а потом и просто стало бранным.

Возобновились забастовки. В Костроме и Иваново-Вознесенске полиция и войска применили оружие. Уже в 1915 г. бастовали сотни тысяч рабочих, общее число забастовок превысило тысячу, а среди лозунгов появился «Долой войну». В этом же году начались переходящие в погромы и бунты волнения в деревне,

а также на национальных окраинах, особенно в Туркестане, на территории нынешнего Казахстана.

Перевод экономики воюющих стран на военные рельсы, первоначально наиболее успешный в Германии, постепенно охватывал остальные страны. В Англии к концу войны недельное производство боеприпасов превышало довоенные запасы. В России в 1916 г. военная промышленность достигла пика производительности. К весне 1917 г. были созданы новые армии, обеспеченные снаряжением и боеприпасами лучше, чем когда бы то ни было до этого за всю войну. Российских запасов вооружения и боеприпасов фактически хватило еще и на два года гражданской войны.

* * *

В 1915 г. на основных фронтах началась окопная война, во всех воюющих странах были уничтожены практически полностью предвоенные запасы вооружения, стратегические запасы и предвоенная кадровая армия, проведена мобилизация экономики. В этих условиях исход войны зависел только от соотношения экономической мощи сторон и способности властей контролировать ситуацию в стране.

Из истории мы знаем, как ошибочные решения порождали цепную реакцию вынужденных мер, корыстные интересы и амбиции брали верх над рациональными расчетами. Недооценка ситуации и возможных действий потенциального противника и переоценка собственных возможностей, ошибочное представление о стабильности общественных настроений и степени лояльности населения приводили к роковому запаздыванию с принятием необходимых решений. Наоборот, скоропалительные и паллиативные решения делали неизбежными дальнейшие шаги, лишь усугублявшие ситуацию. Неспособность властей и отдельных ее представителей признавать собственные ошибки и боязнь потерять лицо привели к стране к катастрофе. Немаловажную роль в развитии событий играли метаморфозы настроений и оценок в обществе, в которых победы были неотличимы от поражений, а потери смешивались с достижениями.